

«Но вы – дорогие – живите! Живите!...»

Воспоминания о Марине Хлебниковой

Сейчас имя Марины Хлебниковой в одесских околпоэтических кругах практически забыто. А зря. Ведь Марина была одним из наиболее ярких и самобытных русскоязычных поэтов современности. Увы, была... В декабре 1998 года, за 20 дней до своего сорокалетия Марина трагически ушла из жизни. Остались публикации в различных одесских, московских, американских журналах и альманахах, три книги, изданные ее мужем Сергеем уже после ее смерти тиражом 300 экземпляров, и воспоминания друзей.

Светлана Крижевская, художник

Марину привел к нам брат известного графика Володи Межевчука. Он работал вместе с Сережей Хлебниковым в пароходстве. Как-то он пришел к нам и сказал: «Вы такие отличные ребята, вам надо познакомиться». И привел к нам Сережу и Марину. И тогда выяснилось, что Марина пишет стихи. Ну, раз пишешь стихи – почитай. И когда она начала читать... Знаете, это была любовь с первого взгляда.

Геннадий Гармидер, художник

Стихи она начала читать не сразу. Когда они пришли ко мне в мастерскую, то сначала внимательно посмотрели то, что развешено по стенам, затем я показал офорты, которые хранятся в папках. Затем мы сидели, был общий разговор, и вот тогда Марина читала стихи. Потом таких встреч было много. Мы дружили семьями, общались, я подарил Марине пару работ своих. У нее были любимые офорты. С Сережей нас объединяла любовь к парусу. А с Мариной нас связала ее поэзия. Это была действительно высокая поэзия, безупречная по форме

Марина Хлебникова и Геннадий Гармидер в мастерской

и по содержанию. К тому же, она великолепно читала на память. Она все помнила. Мое субъективное мнение, может, оно и неправильное, но это лучшая современная русскоязычная поэзия.

Светлана

И в дальнейшем, когда она приходила к нам, как только открывалась дверь, я сразу просила: «Мариночка, почитай»...

Сергей Осташко, журналист

Мы подружились с Мариной в литературной студии Владимира Домрина в Ильичевске, где они с мужем – известным одесским яхтсменом Сергеем Хлебниковым – тогда жили. Сергея я шапочно знал раньше по Черноморскому яхт-клубу, а с Мариной познакомился, когда он пригласил ее в студию и, слегка смущаясь, сообщил, что его жена начала писать стихи, и хотелось бы услышать мнение знатоков. И когда она начала читать, это было потрясение и для студийцев, у которых уже было немало опубликованных произведений, и для руководителя – известного поэта

Владимира Викторовича Домрина. Когда она читала, замирали даже те, кто скептически воспринимает поэзию.

Светлана

Марина к нам любила приходить почему? Она чувствовала, что здесь ее воспринимают в первую очередь как поэта. Мы ее могли слушать до утра. А некоторые в ней ценили совсем другое... Нет, хорошо к ней относились все. Плохо к ней относиться было невозможно. Но когда я поближе познакомилась с людьми, которые ее окружали, мне показалось, что ее воспринимали как угодно, но в последнюю очередь как поэта.

Марина была человек открытый, щедрый и очень ранимый. И когда ее воспринимали не так, она очень переживала.

Сергей

Интересно еще вот что. Писать она начала в достаточно взрослом возрасте, 26 лет, уже будучи замужем. Ни в школе, ни в институте даже попыток никаких не было.

Светлана

Марина была очень разносторонним человеком. В школе ей одинаково легко давались и точные науки, и гуманитарные. Воз-

можно, тут сказались гены. Отец Марины был капитаном дальнего плавания, а мать – преподавательницей русского языка и литературы. Не знаю, будет ли корректно упомянуть, но Марина всегда говорила, что с отцом она всегда находит большее взаимопонимание, чем с матерью.

Школу Марина окончила с золотой медалью и к удивлению родителей поступила... в политех. В институте вышла замуж, родила сына, и пришлось совмещать обязанности жены, матери и студентки. Было непросто, но вуз она окончила, как положено, через пять лет, причем с «красным» дипломом, и получила назначение в СКБ на заводе «Электронмаш».

Геннадий

Она потом смеясь рассказывала, что «довольно быстро стала наращивать инженерные мускулы» – инженер, старший инженер, инженер высшей категории... Казалось бы, чего еще желать молодой, красивой, успешной на работе и счастливой в семье женщине?! Но тут появилась поэзия.

Сергей

В Москву, в Литературный институт имени Горького она поступила сразу и сама, без всяких

протекций. О ее стихах очень хорошо отзывался один из столпов советской поэзии – Кирилл Ковальджи. Он же написал предисловие к ее первой книге «Проверка слуха», которая должна была выйти в издательстве «Московский рабочий» в 1991 году. Но случился ГКЧП, и все планы полетели в тартарары. Книга в то время так и не вышла, но сыграла свою положительную роль. За эту – еще не изданную – книгу Марину приняли в Союз писателей России. За дипломную работу, фактически за рукопись. Случай, можно сказать, уникальный.

К сожалению, Марина так и не успела увидеть свою книгу, так сказать, живьем. Уже после ее смерти трехтомник произведений Марины – стихи, проза, драматургия – издал ее муж Сергей.

Когда я был в Москве, я сообщил Кириллу Владимировичу о смерти Марины, и он переписал предисловие к книге. Но, к сожалению, в изданный Сергеем трехтомник это переписанное предисловие не вошло. Так же, как и великолепные иллюстрации Гены Гармидера, часть которых публикуется в альманахе.

Геннадий

Мне Марина вспоминается очень хорошим, красивым человеком. Причем не только внешне, но и внутреннее. Красивой женщиной.

И очень умной. Как-то она пришла в мастерскую и сказала, что будет издавать книжку своих стихов, и хотела бы, чтобы эту книжку иллюстрировал я. Я с удовольствием согласился. Она принесла рукопись, я познакомился с ее творчеством уже не на слух. Стихи мне жутко понравились. Это была настоящая поэзия.

Я сделал несколько эскизов к обложке и иллюстраций и показал ей. Ей очень понравилось. У меня была такая идея. Круглый столик. Она сидит за ним, подперев щечку. Кофе, листики. А чуть позже появился чертик, выглядывающий из-под стола.

Светлана

Там есть еще один мистический момент. Везде в этом оформлении идет развитие круга. Он везде. В иллюстрациях и к разделам, и к отдельным стихам. Все оформление черно-белое. И только на обложке стоит красная точка. И получилось, что эта красная точка была поставлена в конце ее жизни. То есть в каком-то смысле графическое решение книги оказалось пророческим.

Сергей

У Марины всегда было очень болезненное восприятие проблем, с которыми она

сталкивалась в жизни. Мы несколько раз говорили с ней на эту тему. И я, и Света с Геной. И в какой-то момент нас просто не оказалось рядом.

Геннадий

Сереза и Марина были слишком разные люди. Очень хорошие люди, но очень разные. Сереза весь в яхтах, а яхтсмен – это не увлечение, это диагноз. У него логическое инженерное мышление, а Марина более эмоциональная. У нее какие-то свои внутренние проблемы были, в которые она никого не посвящала.

Сергей

Марина рассказывала, что Сергей первое время пытался ее приучить к яхте. Она честно пыталась, но это было не ее. И кроме того, она укачивалась...

Светлана

Талантливому человеку легко никогда не бывает. У каждого бывают такие моменты, когда весь негатив сходится. У нее были сложные отношения с одесскими письменниками. Они ее не принимали.

Сергей

Это парадокс какой-то. Член Союза российских писателей...

Светлана

...а в Одессе ее не принимали. Как-то не вписалась...

Сергей

Это была ревность. Пожалуй, единственными одесскими «мэтрами», которые не ревновали ее к творчеству, были Владимир Домрин и Станислав Стриженюк. С последним ее просто связывали годы дружбы. А у Домрина была такая теория: в любой строфе любого, даже самого гениального поэта есть одна лишняя строчка. И он доказывал это на примере Пушкина, Лермонтова, не говоря уже о Слуцком и прочих Вознесенских. Так вот, в стихах Марины он этой самой лишней строчки не находил. Как, например, в этом, написанном незадолго до смерти.

Я – мимо...
Беспечных, усталых, безумных – я мимо,
я мимо домов, где идет пантомима,
я мимо рисованных рощ и оврагов,
я мимо владений и мимо барачков –
туманом, дыханьем, дымком сигаретным
взлетаю туда, где ни зла, ни запретов!
Туда, где порвутся последние нити...
Но вы – дорогие – живите!
Живите!..

Записал Сергей Осташко

Марина Хлебникова

СТИХИ

* * *

Когда-нибудь, пройдя и Крым, и Рим,
по трещинкам судьбу сложу в ладони...
...На улице жгут листья. Теплый дым
в осеннем небе гасится и тонет.
И город вьется тысячью дымков –
как будто в мир иной перелетая,
душа земной оставила альков
и легкий дым по улицам сметает...
...Когда-нибудь, за день до холодов,
сгребу листву руками без перчаток,
и в разнобойных контурах листов
своей ладони встречу отпечаток,
и обращусь в отечественный дым,
и отлечу, не спрашивая визы...
Налево будет Крым, направо – Рим,
и оба вместе – позади и снизу...